

Сказание о римском попе Аврааме — неизвестная повесть о сношениях человека с дьяволом

«Большинство древнерусских литературных произведений, — писал Д. С. Лихачев, — дошло до нас в составе сборников <...> Связь, которая существует между дошедшими до нас литературными произведениями и составом включивших их в себя сборников, может быть очень различна». Но «изучение исторически сложившихся сборников <...> открывает новый, дополнительный источник для восстановления истории текста входящих в них литературных произведений, а также для суждения о литературных вкусах читателей и переписчиков, для выяснения того, как понимался древнерусскими читателями и переписчиками жанр произведений, его идейный смысл и пр.»¹

В справедливости приведенных слов академика Лихачева, а также своевременности его призывов к изучению литературного «конвоя» памятников древней письменности мне приходилось не раз убеждаться. Так было, например, тогда, когда я стала изучать сборники, содержащие фацеции, и неожиданно для себя обнаружила, что в некоторых из них сохранилась весьма интересная редакция текстов переводных и оригинальных повестей, получившая название Книга, нарицаемая жарты,² чего не заметили те из исследователей, которые искали в них только тексты фацеций.³

Перечитывая осенью прошлого года хранящийся в РНБ сборник № 1627 из коллекции А. А. Титова, я снова убедилась в необходимости неторопливого, постатейного ознакомления с составом не только новонайденных, но и давно известных и, казалось бы, достаточно хорошо изученных рукописей.

Сборник половины XVIII в. № 1627 из Титовского собрания РНБ с его пестрым составом неоднократно привлекал внимание исследователей русского театра (в нем сохранился уникальный цикл интермедий), стихотворных жарт, фацеций и т. п. Не один раз описывался состав сборника, но никто из исследователей, как ни странно, не обратил внимания на небольшой, не известный по другим рукописям текст, помещенный на л. 67 об.—69 об. среди стихотворных жарт и прозаических фацеций и озаглавленный «Сказание о римском попе Аврааме».⁴ А между тем Сказание представляет не-

¹ Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1983. С. 245—246.

² Ср. Małek E. Z obserwacji nad recepcją nowelistyki przekładowej w Rosji początku XVIII wieku // Acta Universitatis Lodzensis. Folia Litteraria 18. Łódź, 1987. S. 295—304.

³ Ср. Державина О. А. Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII века. М., 1962.

⁴ Так, например, Сказание не упоминается ни в описании сборника, выполненном О. А. Державиной (ср. Державина О. А. Фацеции. С. 95, 101), ни в описании составленном В. Д. Кузьминой и В. П. Гребенюком (ср. Ранняя русская драматургия (XVII—первая половина XVIII в.) Пьесы любительских театров / Под ред. А. Н. Робинсона. М. 1976. С. 814).

сомненный интерес уже хотя бы потому, что расширяет список столь популярных в России второй пол. XVII—нач. XVIII в. произведений, рассказывающих о сношениях человека с дьяволом.⁵

Сказание открывается довольно традиционной экспозицией, из которой узнаем, что «бысть в Риме некто царь Василей, имея у себя жену вельми благочестиву и дочь Феодору, которая была возрастом лет от 5, и имел также у себя при дворе своем церковь во имя Святыя Троицы, и для службы Божии был у него поп Авраам, которой службу Божию совершал искусно. Он же того царя и духовник, имелся у царя в великой чести и богат весма».⁶ За экспозицией следует завязка действия, которая определяет дальнейший ход сюжетных перипетий и судьбу героев. Поп Авраам, увидев, что «на северских дверях написан дьявол», «возложил великую злобу и всегда стал на него плевать и сморкать, которому весма неприятно стало» (л. 67 об.)

Вначале дьявол прибегает к простейшей форме самозащиты: он, как читаем в повести, приходит «к попу во сновидении» и говорит, «чтобы он от того плеванья престал». Поскольку, однако, поп не только «того делать никак не покинул, но и более стал на него плевать», дьявол был вынужден *сделать другую попытку защитить свою позицию.*

Обесчещенный дьявол решает обесчестить своего противника и придумывает хитрую месть. Поскольку поп пользовался уважением самого царя Василея, его семейства и его сановников, то дьявол задумывает опозорить его публично, на виду у всех, воздавая ему бесчестьем за бесчестье.

Заступаясь за свою честь, дьявол, естественно, использует все доступные ему методы, т. е. пускает в ход обман и перевоплощение. Во время пира по случаю тезоименитства царской дочери Феодоры, на который «съехались все министры и сенаторы <...> и тот поп Авраам» (л. 67 об.), дьявол крадет любимую драгоценную чару царя и за то, «что он на него всегда плевал», кладет ее в карман попа Авраама (разумеется, без его ведома). После обеда царь приказывает обыскать всех присутствующих, но «ни у кого той чары, у сенаторов и у министров, и у протчих чиновных людей не отыскали, а нашли ту чару у попа Авраама в кармане, ис чего царь Василей великою злобою на него наполнился и всем навел великой стыд» (л. 68). Царь повелевает заковать его в кандалы, бросить в темницу, а потом казнить. Поп приходит в полное отчаяние, но «по полуночи в первом часу приде к нему тот дьявол во образе поповском» и предлагает ему освобождение, ставя единственное условие — отказ от надругательств над его образом. Поп Авраам вынужден принять поставленные условия, чтобы спасти свою жизнь. Он дает клятву «того впредь не чинить», и дьявол, согласно договору, снимает с ног попа кандалы и с рук железо и приказывает ему вернуться домой, а утром идти в церковь, отслужить службу и никому не признаваться в том, что он был на пиру у царя.

Авраам идет утром в церковь отслужить заутреню, чем приводит в недоумение всех придворных и самого царя. Не понимая, каким образом поп вышел из темницы, царь дважды посылает своих «кавалеров» разузнать, кто осмелился выпустить опального священника из заключения. Но оба послан-

⁵ См., например Журавель О Д Сюжет о договоре человека с дьяволом в русских повестях конца XVII—начала XVIII вв Автореф дис канд филол наук СПб, 1994, Пигин А В Бесподержимость и мифологические представления о смерти (на древнерусском материале) // Проблемы изучения традиционной культуры Севера (К 500-летию г Сольвычегодска) (сыктывкар 1992 С 106—114, Ромодановская Е К Русская литература на пороге нового времени Пути формирования русской беллетристики переходного периода Новосибирск, 1994 С 112—127, 149—154

⁶ Цит по списку РНБ, собр Титова, № 1627, л 67 об Далее ссылки на эту рукопись в тексте с указанием соответствующего листа

ца клянутся, что поп Авраам сидит в темнице под стражей, что наводит царя на мысль, «не дьявол ли служит» заутреню. Подумав, «что дьяволу у престола Божия быть невозможно», царь все же не рассеивает всех своих сомнений и после заутрени обращается с вопросами к своему духовнику, но тот (согласно клятве, данной дьяволу) «всякими отговорками отговаривался», что на пиру не бывал и не понимает, за что царь на него гневается. Тогда царь со всеми своими приближенными пошел в темницу и убедился, что там сидит дьявол, принявший вид попа Авраама.

Интересны последние слова рассказчика, комментирующего поведение царского духовника: «И тако от смерти поп тем незапным случаем отбыл, и на дьявола плевати престал, и стал так жить, как надлежит» (л. 69 об.).

Как видно из беглого пересказа Сказания, все или почти все в нем необычно. Необычен дьявол, который не похож на образ врага рода человеческого, известного по многим памятникам древнерусской письменности, необычна форма обличения дьявола и еще более необычна авторская оценка действий противников. Читателям житий, патериков и повестей о договоре человека с дьяволом бес из «Сказания о попе Аврааме» мог показаться по меньшей мере странным.

Если сопоставить его с образом беса из переводной и оригинальной духовной письменности XI—XVII вв., то поражает в нем отсутствие активности, природного желания нанести вред человеку, ввести его в заблуждение, оболгать. Если же сравнивать дьявола из Сказания с образом, известным по повестям о договоре человека с дьяволом, то удивляет нежелание противника попа Авраама использовать заключенный с ним договор для завладения его душой (ведь характерной чертой сюжета о договоре человека с дьяволом является, как показала О. Д. Горелкина-Журавель, отречение человека от Бога. Только тогда дьявол соглашается оказать человеку некоторые услуги⁷). Но дьявол из «Сказания о римском попе Аврааме» лишь добивается более приличной трактовки своей персоны, требуя отказа плевать и сморкаться на его образ, т. е. заступает за свою ущемленную честь и незыблемое право иметь свое изображение на северных дверях римского храма Святой Троицы. Видимо, поп Авраам своим поведением нарушил какое-то равновесие, какое-то привычное для всех остальных состояние. Знаменательно и то, что никто другой не обращал внимания на изображение демона на церковных дверях, никому другому оно почему-то не мешало, а также факт, что сам дьявол не заходит в церковь, не мешает попу вести службу, как бы соблюдая неписанный закон, согласно которому внутреннее пространство церкви принадлежит ее служителю — попу, а ее периферия — дьяволу. Такую именно мысль вкладывает автор повести в уста царя Василия, который говорит, «что дьяволу у престола Божия быть невозможно». Такой же концепции «мирного сосуществования» двух миров — божественного и дьявольского придерживается рассказчик, и на такую позицию переходит наученный горьким опытом поп Авраам, который после освобождения из темницы «стал так жить, как надлежит». Необычно также поведение попа Авраама, который в борьбе с дьяволом ни разу не прибегает к крестному знаменю, молитве, не призывает на помощь небесные силы, что не совсем сходно с поведением положительного героя древнерусских произведений.

Составитель Титовского сборника, по-видимому, понимал своеобразие Сказания и, как бы предвидя недоумение реальных или потенциальных читателей, решил поместить рядом с ним еще одно произведение, во многом

⁷ Ср.: Горелкина О. Д. Русские повести конца XVII—начала XVIII в. о договоре человека с дьяволом в связи с мифологическими представлениями позднего русского средневековья // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 41–54.

близкое рассказу о римском попе. Так рядом со «Сказанием о попе Аврааме» оказалась забавная фацеция «О шпыне и демоне» (л. 69 об.—71). Переписанные одним и тем же почерком, Сказание и фацеция составляют своего рода литературный диптих: фацеция «О шпыне и демоне», следующая за «Сказанием о римском попе Аврааме», подобрана составителем сборника по принципу со- и противопоставления. Рассказ о споре попа Авраама с дьяволом выдержан, как мы видели, в серьезном духе, фацеция же, согласно поэтике жанра, исполнена юмора. При бросающемся в глаза сходстве в построении сюжета Сказания и фацеции несходство манеры повествования (относительно объективного повествования от 3-го лица в первом случае и явно иронического — во втором) подчеркивает нарочитость, неслучайность соседства обоих рассказов.

И в первом, и во втором произведении герой сталкивается с демоном (дьяволом) через посредство живописного изображения (поп Авраам заметил «образ» дьявола на «сиверских дверях» своей церкви, а фронт «узре в углу храма в месте темне написана демона, на яловичной коже нечто пишуща»). Реакция попа (который, как и подобает служителю церкви, решает над ним надругаться) и шпыня (который, кривляясь и иронизируя над бедным демоном, ставит перед его образом свечку, приговаривая: «Ах, милой, кто тя ту в таковом темном куте написа, ибо не видеть и писать ти! И се аз ти поставлю свещу, пиши, бедной, пиши» — с. 110) кладут начало завязке действия.

Сходство в конструкции сюжета обоих произведений этим не исчерпывается. Следующий ход в Сказании и в фацеции принадлежит демону и в обоих случаях принимает форму сонного видения. Демон является герою во сне. В Сказании, как мы уже говорили, он требует от попа отказа от надругательства, в фацеции — обещает фронту награду за поставленную свечку. Но за шуточное почтение демон придумывает шуточную награду, действуя по принципу: за шутку «отшутка». Перенимая манеру шпыня, дьявол, явившись ему во сне, говорит: «Вчера ты добре ми сотворил еси <...> Подобае убо и мне воздати тебе за твое ко мне добро» (Там же). Шпынь же, не подозревая, что антагонист собирается его одурачить, принимает за чистую монету его обещание и соглашается отметить с помощью экскрементов местонахождение мнимого сокровища. «Шпыню, — читаем в фацеции, — возмнеся, яко делом глаголет (а уже в нем скареду древний враг приготовил), мя во сне на оном месте призначити, нача из себе гнусу премного испущати и опакости всю постелю, и жену, и дети. Жена вскочи, вопиаше: „Упысал, упысал!“». А шпынь не опамятуется и отвечает, яко клад намечает» (С. 111). Фацеция завершается после первой реакции демона, в Сказании дьявол делает еще один ход, что на некоторое время откладывает развязку, но результат его действий сходен с результатом действий демона: он берет верх над своим антагонистом.

Кроме сходства в построении сюжета Сказание и фацецию сближает амбивалентность образа демона (дьявола). Это еще не «добрый злой дух», образ которого встречался в западноевропейских литературах эпохи средневековья,⁹ но он уже не тот злой дух, единственной и постоянной заботой которого является желание столкнуть душу праведника с истинного пути на путь, ведущий в вечную геенну. Он не столько олицетворяет силы зла, сколько приобретает черты индифферентного в этическом отношении литературного персонажа. Его антагонист, что само собой разумеется, тоже не

⁸ Цит по: ПЛДР XVII век Кн 2. М., 1989. С 110. Далее ссылки на это издание фацеции «О шпыне и демоне» в тексте с указанием соответствующей страницы.

⁹ Ср. Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 295-297.

может быть назван праведником, к нему также неприложима христианская аксиология. Стихотворный комментарий автора фацции «О шпыне и демоне»: «Никто же коли приобретает, / Иже з дьяволом торг свой слагает» — в контексте рассказа о веселом соперничестве шпыня с демоном указывает лишь на своеобразное остроумие этого персонажа, а призыв дьявола из Сказания установить мир между ним и попом Авраамом можно понимать на чисто бытовом уровне, так как он не имеет последствий высшего (духовного) порядка.

Амбивалентность образа нечистой силы в Сказании и фацции «О шпыне и демоне» находит выражение и на стилистическом уровне произведений. Бросается в глаза почти полное отсутствие традиционного набора эпитетов, сопровождающих появление образа беса в древнерусских произведениях, благодаря чему бес не может больше восприниматься как «универсальный носитель зла».¹⁰

В настоящее время трудно ответить на вопрос, является ли Сказание оригинальным русским сочинением или это умелая переделка какого-то иностранного источника. В языке памятника не удалось обнаружить следов иностранного текста, а некоторые культурные реалии (тезоименитство царской дочери, употребление чары, которую царь подносит гостям; факт, что поп Авраам назван царским духовником; название утренней мессы заутренней, упоминание благовеста; обращение к царю «великий царь и государь», характерное для эпистолярного этикета еще в царствование Алексея Михайловича; наличие слов «банкет», «кавалер», «генерал», вошедших в активный словарный запас русского языка в петровскую эпоху) позволяют думать, что автором Сказания мог быть русский книжник петровского времени, хорошо знакомый с оригинальной и переводной демонологической литературой.¹¹

Привязка действия Сказания к Риму могла бы быть единственным, и то весьма слабым, аргументом в пользу иностранного происхождения текста. Не исключено, однако, что автор Сказания выбрал местом действия Рим лишь потому, что место это казалось ему экзотичным и в какой-то степени более подходящим для данного сюжета.¹²

Окончательное решение этих вопросов на данной стадии изучения памятника не представляется возможным. Настоящая статья должна, однако, стать импульсом для дальнейших разысканий, которые, возможно, приведут к лучшему пониманию не только данного текста, но и целого комплекса произведений с демонологическими мотивами.

¹⁰ См.: Волкова Т. Ф. Художественная структура и функции образа беса в Киево-Печерском патерике // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 234.

¹¹ Если наше предположение верно, то «Сказание о попе Аврааме» должно пополнить список оригинальных русских повестей с демонологическим сюжетом.

¹² Стоит напомнить, что как одну из особенностей русских повестей переходного периода исследователи отмечают склонность авторов к локализации действия своих произведений в дальних странах. Ср., например: Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге нового времени. С. 141—147.